

появились правовые гарантии защиты банковской информации на основе оказания услуг по верификации персональных данных и осуществления удаленной видеоидентификации.

Также в данном Указе № 148 расширилось число субъектов хозяйствования, которые имеют доступ к информации, имеющейся в МСИ. Помимо банков данный доступ предоставляется и страховым организациям, и профессиональным участникам рынка ценных бумаг, лизинговым и микрофинансовым организациям, форекс-компаниям, а также некоторым государственным органам.

Развитие глобального информационного пространства повлияло на развитие отношений и изменение законодательства в самых известных странах-хранителях банковской тайны – Швейцария, Люксембург, Сингапур и т.д. Например, банки Швейцарии обязаны с 1 января 2018 г. на основании «Федерального закона о международном автоматическом информационном обмене» собирать и передавать данные о гражданах имеющих счета, депозитах ценных бумаг, являющихся налоговыми резидентами 38 стран партнеров. Такая информация предоставляется налоговым органам, поскольку они несут ответственность за взимание налога на средства, находящиеся на иностранных счетах.

Мировая практика об использовании биометрических данных для защиты банковской информации появилась в Японии, банк OgakiKyoritsu установил первый биометрический банкомат. Чтобы провести операцию, клиенту достаточно поднести ладонь к сканеру, ввести дату рождения и ПИН-код. Система откроет доступ к счету без применения банковской карточки. В России Сбербанк и Тинькофф банк приобрели 10 тысяч специальных банкоматов, которые имеют функцию распознавания лиц.

Вышеупомянутое законодательство и Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» создало правовые возможности белорусским банкам в рамках цифровой трансформации на льготных условиях, осваивать нетрадиционные услуги цифрового банкинга. Сегодня организациям разрешено совершать сделки в электронном виде без использования электронной цифровой подписи, а также возможно осуществление нового вида финансовых сделок - смарт-контрактов, которые представляют собой определенные компьютерные алгоритмы, использующие технологию блокчейн.

Анализируя статистику представленную начальником Управления защиты информации Национального банка Республики Беларусь В.М. Плешкевичем, только за первые две недели работы управления было получено 117 сообщений от девяти банков. В частности, 77 – попытки эксплуатации уязвимостей WEB-приложений; 26 – попытки внедрения вредоносного ПО; 12 – рассылка фишинговых сообщений со ссылкой на вредоносные сайты; 1 – фрод в режиме CNP; 1 – выявление мошеннического сайта.

Специалистам потребуется найти более совершенные способы и методы распознавания атак, противодействия им, для защиты не только информации о счетах клиентов, но и самих активов.

А.В. Синькевич
ПГУ (г. Новополоцк)

СМАРТ-КОНТРАКТЫ. СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ СТОРОНЫ «УМНЫХ» ПРОЕКТОВ

Смарт-контракты – это самоисполняемые контракты, условия которых, согласованные продавцом и покупателем, вписываются в виде строки кода в децентрализованный распределенный журнал транзакций, получивший название блокчейн. Их применение позволяет проводить надежные сделки и заключать соглашения между неизвестными друг другу сторонами без посредничества центрального органа власти, законодательного регулирования или внешнего контролирующего механизма. Подобные сделки совершенно прозрачны и не имеют обратной силы.

Сам термин «смарт-контракт» может ввести в заблуждение практикующего юриста. Поскольку, зачастую то, что многие разработчики и программисты называют смарт-контрактом, не имеет ни малейшего отношения к обычному правовому договору и является обозначением компьютерной программы. Таким образом, в настоящее время, юристы и программисты, обсуждающие тему смарт-контрактов, могут подразумевать под данным термином совершенно разные явления.

В связи с этим, зарубежные исследователи справедливо выделяют два основных подхода к пониманию смарт-контракта:

Смарт-контракт как правовой договор: данный подход наиболее распространен в юридической среде.

Смарт-контракт, как компьютерная программа: данный подход менее понятен для юристов, но с другой стороны, очевиден для программистов.

Особенность смарт-контрактов заключается в том, что в их коде прописаны не только обязательства сторон, но и специальный алгоритм, позволяющий оценить выполнены ли условия сделки, возможные нарушения, а также принять решение о том, какому из участников соглашения должен быть передан базовый актив.

Главными атрибутами «умных» контрактов являются:

- Деятельность смарт-контрактов как счета, требующего мультиподписи (multisig, escrow).
- Возможность управления договоренностями между пользователями.
- Являются базой для других смарт-контрактов.
- Хранят информацию о приложениях, в том числе данные о регистрации домена или об участниках.

Ключевыми характеристиками смарт-контракта являются:

- Присутствие некоего соглашения и требуемых для его реализации инструментов.
- Также описание параметров соглашения.

Подписание смарт-контракта подтверждается электронной подписью с помощью публичных и частных ключей, которые есть в наличии у каждого из участников соглашения. Для их реализации требуется децентрализованная среда, в которой производилась бы запись данных и поддержка входов и выходов для «оракулов», с помощью которых осуществляется взаимодействие реального мира и цифрового сегмента.

В настоящий период в значительной части смарт-контрактов автоматизирована лишь часть функций, например, платежные варианты или другие стороны. Однако стоит помнить, что этот сегмент развивается быстрыми темпами, и технологии совершенствуются.

Среди достоинств данной сферы, можно выделить:

- автономность;
- безопасность;
- скорость;
- экономия ресурсов.

Основным недостатком сферы смарт-контрактов, как и криптовалютных проектов в целом, можно считать регулятивную неопределенность и неоднозначное отношение к сектору в деловых кругах.

Кроме того, поскольку эти технологии находятся на ранней стадии развития, они не застрахованы от различных ошибок, в том числе от недоработок структуры кода. Также нельзя не упомянуть недостаточное развитие блокчейн-инфраструктуры и программ-оракулов, обеспечивающих взаимосвязь криптовалютной экосистемы с реальным миром, по-прежнему есть над чем работать в сфере масштабируемости и скорости обработки транзакций. Эти факторы сдерживают проникновение смарт-контрактов в повседневную жизнь.

Еще одним моментом, на который нужно обратить внимание, является то, что запись данных в блокчейн необратима, то есть действие заключенного контракта нельзя отменить. В некоторых случаях эта особенность может стать реальной проблемой.

Прозрачность сделок, являющаяся несомненным плюсом блокчейн-проектов, может рассматриваться в качестве недостатка для финансовых компаний, для которых важным является соблюдение конфиденциальности клиентских данных.

Несмотря на наличие недостатков, популярность смарт-контрактов увеличивается, удобство их применения растет, ряд организаций работает над совершенствованием технологий, использующих смарт-контракты, тем не менее не стоит ожидать быстрого и повсеместного внедрения смарт-контрактов, так как любые инновации, прежде чем получить широкое применение, должны пройти определенный путь развития, устранение недостатков и усовершенствование использования работы.

Си Уженьгаова
БГЭУ (г. Минск)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СДЕЛОК В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Любая внешнеэкономическая деятельность предполагает заключение и исполнение внешнеэкономических сделок. В любой правовой системе базовым основанием для возникновения и динамики гражданско-правовых отношений являются сделки.

В цивилистике внешнеэкономическая сделка рассматривается как комплексная категория, включающая деятельность субъектов международного частного права в сфере международного обмена товарами, работами, результатами интеллектуальной деятельности, всеми видами услуг, направленную на установление, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей.

В гражданском праве понятия «сделка» и «договор» соотносятся как содержание и форма. Относительно внешнеэкономических сделок и договоров, их опосредующих, сохраняется то же самое соотношение: внешнеэкономическая сделка – это правоотношение, а внешнеэкономический договор – это форма такого правоотношения.

Основу правового регулирования внешнеэкономических сделок в Республике Беларусь составляет раздел VII Гражданского кодекса «Международное частное право».

В то же время, поскольку внешнеэкономические сделки имеют международный характер, роль международного права в их правовом регулировании не менее, а подчас и более значима, чем собственно национальных правовых норм.

К регулированию внешнеэкономических сделок на международном уровне применяют главным образом унифицированные нормы международного торгового законодательства (международное материальное унифицированное право).

Термин «внешнеэкономическая сделка» упоминается в ст. 1116 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК). Необходимо отметить, что в ст.ст. 1124 –1125 ГК идет речь о праве, применимом к договорам. Статья 1129 ГК говорит о праве, применимом к обязательствам, возникающим из односторонних сделок. Можно сделать вывод, что, поскольку ГК использует разные категории, такие как «внешнеэкономическая сделка», «договор», «сделка». Из всех упомянутых вариантов только термин «внешнеторговый договор» имеет легальное определение в Указе Президента Республики Беларусь от 27.03.2008 г. № 178 «О порядке проведения и контроля внешнеторговых операций». Согласно подп. 1.1 п. 1 внешнеторговый договор – договор между резидентом и нерезидентом, предусматривающий возмездную передачу товаров, охраняемой информации, исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выполнение работ, оказание услуг.

Мы придерживаемся мнения, что последнее является более узким понятием, и применяется оно в процессе регулирования предпринимательских отношений, связанных внешнеторговой деятельностью.

Внешнеэкономическая сделка, хотя бы одним из участников которой является юридическое